
Виолетта Весна
Письма
моему
заклятому врагу

**Виолетта Весна**

# Письма моему заклятому врагу

*https://litres.ru/74960917*
*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Я полюбила мужчину, которого никогда не видела.

Семь недель древняя магия переносила наши письма через границу враждующих королевств. Он знал мои самые сокровенные желания, умел рассмешить меня даже в тяжелые дни и обещал однажды показать дом, в котором мечтал состариться.

Я верила, что после войны мы встретимся.

Но ради мира король распорядился моей судьбой иначе. Моим мужем должен стать Кайрен Ард — вражеский полководец, по приказу которого погиб мой отец.

Я была готова провести всю жизнь рядом с ненавистным мужчиной, так и не позволив ему прикоснуться к моему сердцу. Пока не обнаружила в его кабинете знакомый почтовый ключ.

Среди всех мужчин двух королевств я умудрилась полюбить того единственного, которого не имела права простить.

А он еще не знал, что женщина, чьих писем ждал каждую ночь, стала его невестой.

# Содержание

Глава 1. Чужой почерк 4
Глава 2. Не буди меня до полудня 23
Глава 3. Дом для двоих 41
Глава 4. В приданое — берег 63
Конец ознакомительного фрагмента. 80

# Виолетта Весна
# Письма моему заклятому врагу

## Глава 1. Чужой почерк

— Муку положи на место, — сказала я мальчику. — Мешок тебе все равно не поднять.

Он стоял у дальней стены кладовой, прижимая к животу холщовый передник. Из складок сыпалась мука. На вид мальчику было лет восемь, хотя за годы войны я перестала доверять подобным догадкам: иной двенадцатилетний подросток едва доставал мне до плеча.

Управляющий, обнаруживший вора, держал дверь открытой и с таким удовольствием ожидал развязки, что мне расхотелось говорить с ним о пропавших запасах.

— Я только немного, госпожа, — выдавил мальчик. — Мамке. У нее молока нет.

— Куда ты собирался унести муку?

Он показал на окно. Оконце было узким, под самым потолком, и я никак не могла представить, каким образом он рассчитывал до него добраться.

— Там бочка стояла, — пояснил он, заметив мое недо-

умение. — А потом ее убрали.

— Счастье твое, что убрали. Свалился бы прямо на камни.

Я взяла с полки пустую полотняную сумку, подставила под передник мальчика и велела пересыпать муку. Он послушался, стараясь собрать даже то, что осталось на рукавах. Затем я попросила управляющего позвать кухарку.

— Госпожа Марена, — произнес господин Бренн, когда мальчик вышел в коридор, — если кормить каждого, кого мы поймаем в кладовой, к обеду сюда выстроится очередь.

— Сколько человек пришло вчера?

— Двадцать три. Семь детей, остальные взрослые. Сегодня прибавилось еще пятеро. Я распорядился разместить их в старой конюшне.

— Вот и выясните, кто из них мать этого мальчика. Кухарка пусть сварит ей похлебку. Младенца должен осмотреть лекарь.

Бренн вздохнул. Я знала этот вздох с детства. Когда мы с Селией таскали из кухни сушеные яблоки, он вздыхал точно так же, только тогда за порядок в доме отвечал отец и все жалобы полагалось адресовать ему.

— До новой жатвы четыре месяца, — напомнил управляющий. — В хозяйственной книге за прошлую неделю одни расходы. Я показывал вам ее в понедельник.

— Помню. Вечером посмотрим еще раз.

— От того, что мы посмотрим, зерна не прибавится.

На сей раз возразить было нечего.

Во дворе стучал плотницкий молоток, у колодца толпились женщины с ведрами. С прибытием беженцев привычный домашний шум не стихал с рассвета до темноты.

Я нашла мальчика возле кухни. Он держал в руках хлебную корку и рассказывал кухарке, что его мать зовут Лисса. Она жила с другими женщинами в бывшей конюшне, в дальнем стойле, где пока сохранилась деревянная перегородка.

— Как тебя зовут?

— Том.

— Том, больше в кладовую не лазай. Там господин Бренн иногда пересчитывает мешки, а когда его отвлекают, становится очень несчастным человеком.

Мальчик покосился на управляющего. Тот сделал вид, что рассматривает трещину на стене.

— А мамке еще можно будет принести?

— Спроси у госпожи Мальды. Она здесь главная.

Кухарка, услышав о своем новом положении, выпрямилась и велела ему идти умываться.

После разговора с плотником я вернулась в дом. Селия сидела в гостиной среди мотков шерсти, распутывая клубок, в который угодила наша кошка.

— Тебе письмо от дяди. И я отнесла беженцам одеяла из кладовой. Тетушкины зеленые тоже.

— Она бы этого не пережила.

— Тетушка умерла девять лет назад, Марена. Думаю, ей

уже безразлично.

Я улыбнулась и вскрыла конверт. Король интересовался дорогами, мельницами и тем, смогу ли я принять на постой его отряд. Ни слова о деньгах за прошлогоднее зерно, забранное для армии. Я отложила письмо: кормить предстояло даже тех, кто уже находился у меня во дворе.

Селия села рядом.

— Опять всю ночь читала старые письма? У тебя окно светилось. Написала бы Энне еще раз. Может, она наконец ответит.

Энна Летт приехала к нам, когда мне исполнилось пять. Она научила меня читать, Селию — не облизывать нож после варенья, а нашего отца убедила, что девочкам следует разрешать ездить верхом без посторонней помощи. После смерти матери Энна стала человеком, к которому мы обе бежали с разбитыми коленями, первыми обидами и вопросами, задавать которые взрослым мужчинам было неловко.

За год до войны она вернулась к своей сестре в северный городок. Мы переписывались, сначала через обычную почту, затем, когда границы закрылись, через старые серебряные ключи. Энна получила один из них от меня еще перед отъездом. Отец тогда сказал, что фамильные вещи полагается беречь, но запретить мне дарить артефакт женщине, вырастившей его дочерей, так и не смог.

В Тарвене Энна устроилась помощницей при госпитале. Судя по ее последним письмам, в начале весны там стало

неспокойно. Потом известия прекратились.

Я отправила два коротких послания. Оба исчезли, как положено, серебро нагрелось, однако ответа не было.

— Может быть, ключ просто потерялся, — сказала Селия.

— Может быть.

Селия сжала мою руку и позвала обедать.

Вечером я наконец осталась одна. За окнами темнел сад, сквозь оголенные ветви старых деревьев просматривалась дорога к мельнице. Я вытащила из ящика стола маленькую серебряную пластинку.

Она была размером с крупную монету, тонкая, с неровным краем. На лицевой стороне серебро пересекали извилистые линии, сходившиеся вокруг углубления, похожего на зернышко. Когда две такие пластинки прикладывали друг к другу, узор соединялся. Я помнила его целиком: отец показывал мне ключи в детстве, пока мы с Энной еще жили под одной крышей.

Лунное серебро в Лиоре давно не добывали. Изготовить новые почтовые пары умели единицы; поэтому наш ключ хранился среди фамильных ценностей.

Безадресная почта переносила один лист бумаги за сутки. Нужно было сложить его, приложить к серебру и коснуться центрального знака. Письмо появлялось возле второго ключа, как бы далеко тот ни находился. Узнать, в чьих руках пластинка и где ее искать, магия не позволяла.

После начала войны чиновники зарегистрировали извест-

ные почтовые пары. Мне разрешили писать Энне, работавшей в госпитале. Разрешение я хранила вместе с ключом.

Я придвинула свечу, достала недописанное письмо и перечитала его.

«Дорогая Энна!

Если ты сердишься на меня за то, что я снова спрашиваю о твоем здоровье, придется тебе потерпеть. Напиши хоть два слова. Можешь даже не тратить чернила на приветствие.

Моя сестра передает поклон. Она утверждает, что твой яблочный пирог невозможно испечь без меда. Я утверждаю обратное, хотя мой последний опыт был довольно печальным. На оставшемся месте записала рецепт, который помню с детства. Скажи, чего в нем не хватает. Только не говори, что у меня опять слишком горячая печь».

Ниже действительно стоял рецепт. Я добавила просьбу сообщить, не нужны ли ей лекарства. Даже если Энна нуждалась в помощи, я пока не представляла, как передать ей хоть что-нибудь через границу.

Подписываться не стала. Мы никогда не ставили полные имена в письмах после того, как началась война. Это было одной из предосторожностей, о которых предупредил меня отец.

Я сложила лист вчетверо, положила на пластинку и прижала палец к углублению. Бумага на мгновение стала прозрачной. Сквозь нее проступил серебряный рисунок, затем исчез и он. Металл потеплел.

Значит, письмо дошло.

Я убрала ключ в ящик и пошла спать.

Ответ лежал возле пластинки следующим утром.

Я заметила уголок бумаги, едва открыв ящик в поисках печати. Обрадовалась так, что задела локтем чернильницу. Пришлось ловить ее обеими руками, а потом вытирать несколько капель, попавших на промокательную бумагу.

Лист был сложен аккуратно, вчетверо, однако Энна всегда загибала верхний край, чтобы его было удобнее разворачивать. У этого письма такого загиба не оказалось.

Почерк тоже был чужой. Крупные, прямые буквы, необычно длинные хвосты у некоторых знаков. Воспитательница писала мелко и наклоняла строки вправо.

Я прочитала первые слова стоя.

«Госпожа,

боюсь, Энна не получит Вашего письма. Ключ, которым она пользовалась, оказался у меня после эвакуации госпиталя. Я обнаружил его среди вещей, оставленных в одном из помещений.

Если Вы сообщите мне фамилию госпожи Энны и хотя бы приблизительный ее возраст, я попробую выяснить, куда ее направили.

С уважением».

Письмо заканчивалось без имени и подписи.

Я перечитала письмо и перевернула лист. Оборот оказался чистым.

Первой моей мыслью было, что Энна погибла. Незнакомец мог обнаружить ключ где угодно, а вовсе не там, где утверждал. Мог снять его с тела, отобрать у пленной женщины, купить у мародера. За семь лет войны я слышала достаточно историй о том, что происходило с людьми возле границы.

Второй мыслью оказалась более неприятная: теперь человек из Тарвена знал, что у него в руках ключ, связанный с кем-то на южном берегу.

Я поднесла письмо к свету. Бумага была плотная, хорошего качества, без водяного знака. Больше ничего полезного я не обнаружила.

Я схватилась за перо: нужно было потребовать объяснений. И тут вспомнила, что со вчерашней отправки не прошло суток. До вечера отправить новое письмо я не могла.

Пришлось отложить письмо и заняться делами.

Бренн принес хозяйственные книги. При нынешних расходах зерна хватало самое большее до середины лета. Платы за пользование плотиной мы тоже не дождались: у мельника из Дорна затопило нижний амбар.

— Вчера мерный камень у мельницы стал желтым, — объяснил управляющий. — Снег в горах тает. Вода прибывает.

Камни, оставшиеся от старого союза княжеств, помогали смотрителям следить за рекой. Одни меняли цвет при подъеме воды, другие предупреждали об опасном давлении на стены шлюзов. Теперь каждый берег жил по собственным

правилам, и сведения с верховьев приходили с опозданием.

Я велела Бренну дождаться заключения плотника о состоянии ворот, отсрочить мельнику плату и нанять на работы в поместье тех, кто поселился у нас в конюшне. Деньги решила взять из запаса, предназначенного для обновления мебели.

— Госпожа, у дивана сломана ножка.

— Селия прекрасно умеет сидеть на полу.

Едва Бренн ушел, я достала чужое письмо. Дневные заботы нисколько не помогли мне понять, как ответить незнакомцу.

Можно было сообщить о нем королевскому чиновнику. Именно так предписывалось поступать при подозрении, что зарегистрированный ключ сменил владельца. В этом случае мой артефакт отправили бы на хранение до окончания проверки, а я лишилась бы единственного быстрого способа узнать о судьбе Энны.

Можно было вовсе прекратить переписку. Незнакомец не получил бы обо мне никаких дополнительных сведений.

Я сложила письмо и спрятала его среди листов с хозяйственными расчетами.

До вечера оставалось еще много времени.

* * *

«Господин,

прежде чем я сообщу Вам что-либо о госпоже Энне, про-

шу ответить, видели ли Вы ее лично. При каких обстоятельствах был эвакуирован госпиталь? Были ли среди его работников погибшие?

И почему найденный ключ по-прежнему находится у Вас?»

Я долго подбирала формулировки. Убрала вопрос о названии госпиталя: незнакомец вполне мог счесть его попыткой узнать расположение северных учреждений. Вычеркнула обвинение в краже. Пока у меня не имелось доказательств, оно выглядело бы бессмысленно.

Отправив письмо, я спустилась к ужину.

Селия разглядывала принесенную из конюшни деревянную ложку. На ее рукоятке кто-то вырезал крошечную птицу.

— Том сделал, — пояснила она. — Тот самый мальчик, которого ты вчера застала в кладовой. Его мать говорит, что у него отец был резчиком.

— Был?

— Погиб прошлой зимой. Она хочет помогать на кухне, когда немного поправится. Младшего ребенка можно будет оставлять с другими женщинами.

Я взяла ложку. Птица получилась смешная, с непропорционально большим клювом, но крылья мальчик вырезал удивительно тщательно.

— Попроси нашего столяра иногда показывать ему свою работу.

— Уже попросила.

Селия заметила, что я почти не притронулась к ужину.

— Ты получила известие от Энны?

— Мне ответили.

Сестра перестала крошить хлеб.

— Что случилось?

Я рассказала ей о незнакомце и показала письмо. Селия читала медленно. Дойдя до конца, она положила лист на стол и спросила:

— Думаешь, он северянин?

— Судя по тому, где нашел ключ.

— Может, лекарь?

— Или человек, которому удалось добраться до госпитальных вещей раньше лекаря.

— Но зачем тогда отвечать?

— Вот это я и хотела бы узнать.

Селия еще немного подумала.

— Если бы он хотел получить от тебя сведения, мог бы написать, что Энна просила передать ему деньги или какое-нибудь поручение. А он сразу признался, что ее не знает.

Мне тоже приходило это в голову. Однако сестра обладала редким даром видеть в людях хорошее даже тогда, когда они не особенно старались ей в этом помочь.

— Я задала ему несколько вопросов, — сказала я. — Посмотрим, что ответит.

— Только не сообщай, кто ты.

— Разумеется.

— И где мы живем.

— Селия.

— Что? Ты говоришь со мной точно так же всякий раз, когда я еду одна в город. Мне тоже приятно побыть разумной старшей сестрой.

Я забрала письмо, пообещала ей соблюдать осторожность и наконец принялась за ужин.

Ответ пришел на следующее утро, когда я собиралась отправиться к мельнице.

«Госпожа,

лично госпожу Энну я, насколько могу судить, не встречал. Госпиталь пришлось перевести в другое место из-за приближения боев. Часть пациентов и работников вывезли раньше остальных. Известно о нескольких погибших, но окончательный список я пока не видел.

Ключ остался у меня по простой причине. Среди найденных вещей не оказалось ничего, что позволило бы установить его владельца. Я предположил, что через него рано или поздно кто-нибудь отправит письмо. Так и случилось.

Вы вправе сомневаться в моих словах. Мне трудно было бы убедить Вас в их правдивости, даже если бы мы разговаривали лично.

Однако поиск человека по одному имени займет значительно больше времени».

Он не назвал себя и во второй раз. Зато ответил на каждый

из моих вопросов, не пытаясь увести разговор в сторону. И, как ни странно, последнее обстоятельство меня несколько успокоило.

Я не могла знать, говорил ли он правду. Но без фамилии и возраста Энну действительно было бы трудно найти. В госпиталях работали десятки женщин; многие сопровождали раненых при перевозке из одного города в другой.

Я решила сообщить ему только самое необходимое.

Весь день мне пришлось провести возле мельницы. Река разлилась по низкому берегу, и дорога вдоль воды превратилась в полосу жидкой грязи. Мерный камень стоял у ворот, выступая из кирпичной кладки. Его прежде сероватая поверхность теперь отливала цветом старого меда.

Мельник показал мне отсыревшие мешки, а затем долго рассказывал о своем двоюродном брате, жившем на севере. До войны они вместе покупали детали для мельничных колес. Теперь даже за простую железную скобу приходилось платить втрое больше прежнего.

— Он жив? — спросила я.

— Понятия не имею. Мать моя до сих пор ждет от него вестей. Не досталось нам вашего серебра, госпожа. Писали бы, может, знали.

Я почувствовала себя неловко. В моем кабинете лежала вещь, которую можно было счесть бесполезной мелочью среди родовых ценностей. Для этой семьи она означала бы возможность не гадать годами, жив ли близкий человек.

На обратном пути мы с кучером задержались возле небольшого кладбища. Он поправлял упряжь, а я вышла из экипажа и прошлась вдоль ограды.

Среди камней стояла свежая деревянная табличка с именем незнакомого мне мужчины. К ней кто-то прислонил детскую игрушку, лошадку из дерева. Я отвернулась и увидела за изгибом реки далекие остатки Меловой переправы.

От старого моста уцелели две высокие опоры и часть каменной насыпи. Я помнила его совсем другим. Летом по мосту шли обозы, на обоих концах торговали фруктами, горячими лепешками и дешевыми лентами. Отец любил останавливаться там, чтобы поговорить со знакомыми купцами. Селия уговаривала его купить нам сладости, а он каждый раз изображал ужасное возмущение ценами и каждый раз уступал.

Три года назад королевский посланник привез известие о его смерти. Переправу уничтожили по приказу северного полководца Кайрена Арда. Отец в тот день находился среди людей, которых пытались вывести из прибрежных поселений.

Мы даже не смогли похоронить его рядом с матерью. Тело нашли лишь спустя несколько дней, и местный священник совершил погребение там, где его обнаружили.

Я не бывала у той могилы с прошлой осени. Дорогу регулярно перекрывали военные, а в последние месяцы мне не удавалось выбраться из поместья даже на полдня без того,

чтобы дома не случилось очередное несчастье.

— Госпожа, можем ехать, — окликнул меня кучер.

Я вернулась в экипаж.

Вечером, когда настало время отправки, написала незнакомцу:

«Ее зовут Энна Летт. Ей шестьдесят один год. Волосы седые, глаза карие. На левой кисти большой ожог, полученный еще в молодости. Она помогала ухаживать за больными и, если в госпитале сохранялись записи о работниках, должна была быть в них указана.

Прошу сообщить мне любые сведения о ней, даже если они окажутся дурными».

Последнюю строку я переписывала дважды. Трудно было просить об этом человека, от которого я не знала, чего ожидать. Еще труднее оказалось подумать, что завтра утром на моем столе может лежать известие, после которого придется рассказать Селии о смерти женщины, заменившей нам мать.

Я отправила письмо и долго не ложилась.

* * *

Наутро возле ключа ничего не оказалось. Я заглядывала в ящик до самого вечера.

Селия принесла ветки с набухшими почками и пообещала, что старая груша на этот раз непременно зацветет. Затем заметила, куда я смотрю, и напомнила: незнакомцу нужно

время, чтобы найти сведения об Энне.

На следующее утро, когда я уже собиралась написать снова, обнаружила возле ключа сложенный лист.

«Госпожа,

мне удалось ознакомиться со списками погибших при эвакуации и несколькими списками людей, поступивших в другие госпитали. Госпожи Энны Летт среди подтвержденных погибших нет.

Сведений о ее нынешнем местонахождении я пока не нашел. Некоторые записи составлялись в большой спешке, и в них указаны только имена пациентов, без имен сопровождавших их работников.

Я продолжу поиски».

Я опустилась в кресло. Отсутствие имени в списке погибших еще ничего не доказывало, но впервые за несколько дней мне удалось представить, что Энна сидела где-нибудь на кухне чужого дома, ворчала на сквозняки, заставляла кого-нибудь есть горячий суп и даже не подозревала о том, как сильно мы за нее переживали.

В письме оставалось еще несколько строк.

«Есть и другое обстоятельство, о котором я хотел Вам сказать. Вы прислали рецепт яблочного пирога. Если позволите замечание человека, совершенно несведущего в выпечке: в нем ни разу не упомянуто, сколько времени пирог должен находиться в печи.

Впрочем, если бы приготовление еды зависело от меня,

этот вопрос был бы наименьшей из проблем.

Если позволите, я буду подписываться именем Ясень. Как мне обращаться к Вам?

Ясень».

Я перечитала подпись.

Псевдоним был очевиден. Едва ли чьи-то родители назвали бы сына в честь дерева, хотя в северных землях существовали обычаи, о которых мне мало что было известно.

Замечание о пироге оказалось настолько неожиданным, что я даже улыбнулась. В самом деле, времени выпечки я не указала. Энна определяла готовность по запаху и цвету корочки, а мне каждый раз приходилось спрашивать кухарку, не пора ли вынимать форму из печи.

Я отнесла письмо Селии.

Она прочла первые строки, прижала лист к груди и выдохнула:

— Слава богам.

— Пока рано радоваться.

— Знаю. Но можно хотя бы сегодня не думать о самом страшном?

Мы обнялись. Потом сестра дочитала письмо и с интересом посмотрела на меня.

— Ясень?

— Так он подписался.

— И пироги печет.

— Как раз этого он, судя по письму, делать не умеет.

— Ну, никто не совершенен.

Я забрала лист, пока она не успела придумать еще несколько достоинств незнакомого мужчины, и вернулась к себе.

Ответить я могла сразу, но прежде разобрала счета, подписала распоряжение о покупке дров и проверила список людей, которых Бренн собирался нанять. Тому наш столяр разрешил приходить в мастерскую по утрам. Его матери стало лучше, и кухарка уже успела поручить ей чистить овощи, предупредив, что тяжелые горшки та пока поднимать не должна.

Когда в коридоре зажгли вечерние лампы, я отодвинула хозяйственные книги и положила перед собой чистый лист.

«Господин Ясень,

благодарю Вас за поиски. Вы подарили мне и моей сестре надежду, которой мы уже почти лишились.

Что касается пирога, воспитавшая меня женщина всегда утверждала, что он готов тогда, когда в доме начинает пахнуть яблоками и подгоревшим сахаром. Полагаю, именно поэтому она так и не сумела научить меня его печь.

Прошу Вас написать, если появятся новые сведения об Энне».

Я остановилась. Обращение казалось странным, зато впервые мне не приходилось писать безликому господину, за которым я представляла кого угодно, от госпитального служителя до человека с дурными намерениями.

Подписываться своим именем я по-прежнему не собиралась.

За окном в сумерках виднелась старая ива, росшая у садовой ограды. Отец хотел однажды срубить ее, потому что корни подняли каменные плиты дорожки. Энна тогда убедила его оставить дерево в покое. В детстве мы с Селией забирались между низкими ветвями, сооружали из одеял шатер и устраивали там свои собственные приемы для кукол.

Я обмакнула перо в чернила и приписала внизу:

«Можете называть меня Ивой».

Сложив лист, я отправила его через ключ и дождалась знакомого тепла серебра.

Я убрала пластинку в ящик и впервые за несколько ночей приготовилась ко сну без мысли о списках погибших.

Правда, перед тем как задуть свечу, я все-таки достала последнее письмо незнакомца и еще раз взглянула на подпись.

Мне стало любопытно, почему он выбрал именно ясень.

# Глава 2. Не буди меня до полудня

Утром в моем кабинете обнаружилась кошка. Она устроилась на кресле, подмяла под себя оставленные с вечера хозяйственные бумаги и смотрела на меня с таким спокойствием, будто наконец получила во владение ту часть дома, на которую давно претендовала.

— Марта, вставай. Мне нужны счета.

Марта вытянула передние лапы. Коготь зацепился за лист, исписанный мелким почерком Бренна. Я успела спасти расчеты, но на краю бумаги осталась дырка. Бренну она едва ли помешала бы подвести итог расходам.

Письмо Ясеня лежало возле ключа. Я заметила его, когда села за стол, и обнаружила, что мне хочется прочитать его прежде всего остального.

«Госпожа Ива,

будем считать, что мы познакомились.

Вчера мне сообщили о людях, которых в числе прочих вывезли из госпиталя. Часть больных отправили дальше от границы, однако сопровождавшие их работники могли остановиться в другом месте. Попробую выяснить, где именно.

Признаться, после Вашего письма я вспомнил одно обстоятельство из собственного детства. У нас тоже была женщина, определявшая готовность пищи по запаху. Она умела печь хлеб, но терпеть не могла, когда кто-нибудь заходил на

кухню прежде, чем она сама вынимала его из печи. Однажды мы с братом решили проверить, насколько оправдан этот запрет. В итоге получили по рукам деревянной ложкой и целый день ходили голодными.

Надеюсь, Ваша госпожа Энна была добрее».

Я улыбнулась. Энна не била нас ложкой, зато однажды заставила меня собственноручно испечь замену съеденным украдкой булочкам. Булочки вышли тяжелыми, с неподнявшимся тестом, и мы с Селией долго крошили их птицам возле окна детской, пока отец не заметил, что у его дочерей внезапно появилось непреодолимое желание кормить голубей.

Я убрала письмо в ящик. Ответить можно было только вечером, а до того времени предстояло выяснить, согласится ли купец, которого рекомендовал Бренн, продать нам зерно с отсрочкой платежа.

Дарн приехал к десяти утра с образцами пшеницы и целой пачкой дорожных квитанций. Он возил зерно издалека и оправдывал цену многочисленными сборами. Пока Бренн проверял бумаги, я предложила купцу взять часть платы полотном, которое трудно было продать в нашем городе.

Дарн оживился: в столице тонкую ткань покупали охотно. К обеду мы договорились о первой партии зерна. Половину стоимости я обещала выплатить товаром, остальное — деньгами в два приема. Дорого, но другого выхода не было.

После обеда я проверила, как идут работы в старой конюшне. Плотник закончил ставить перегородки, Лисса по-

могала Мальде на кухне, а Том с гордостью показал мне деревянную рыбку, у которой оказалось три плавника на спине.

— Так лучше плывет, — объяснил он.

Из конюшни я отправилась в сад.

Груша зацвела всего на двух ветках. На остальных почки оставались сухими. Я пригласила старого садовника, который явился с лопатой, осмотрел дерево и посоветовал мне перестать поливать его каждый день.

— Госпожа, оно же не утка.

Я не стала объяснять, что после прошлогодней засухи мне было трудно привыкнуть к мысли, что избыток воды тоже способен повредить дереву.

К вечеру я настолько устала, что не собиралась писать ничего, кроме благодарности за новости об Энне. Однако за письменным столом вспомнила и деревянную ложку, и нашего садовника, и неожиданно для себя написала довольно длинное письмо.

«Господин Ясень,

Энна предпочитала более изощренные наказания. За украденную выпечку мы с сестрой однажды поплатились тем, что должны были приготовить новую. Не знаю, сколько Вам тогда было лет, но десяти лет мне вполне хватало, чтобы считать себя опытной хозяйкой. С тех пор хлеб у нас пекут люди, которым я стараюсь не мешать.

Сегодня же меня отстранили от ухода за садом. Оказывается, дерево можно утопить, даже если оно стоит на сухом

месте. За взрослые годы я успела узнать немало полезного, а груша по-прежнему остается для меня загадкой.

Благодарю Вас за поиски. Если люди, которых вывезли из госпиталя, находятся в безопасности, это хорошая новость, даже если Энны среди них нет».

Я перечитала написанное и вычеркнула фразу о купце. Незнакомцу не следовало знать, что я управляю большим хозяйством. Даже описание груши казалось излишней откровенностью, хотя я с трудом могла представить, каким образом сведения о несчастном дереве помогли бы определить мое местонахождение.

С письмом я управилась до ужина. Серебро нагрелось под пальцем, и я заперла ключ в ящике.

На этот раз мне было о чем подумать, кроме Энны. Я пыталась представить мальчишек, пойманных на краже горячего хлеба. Удивительно, как трудно было наделить одного из них лицом. Мне виделись то русые, то темные волосы, худощавые плечи, испачканные мукой руки. Ни один образ не казался убедительным.

* * *

В следующие дни Ясень писал с разными промежутками. Однажды ответ пришел лишь через двое суток, и я решила, что он снова куда-то ездил по делам. Спрашивать, чем именно он занимается, не стала.

Из одного письма узнала, что когда-то у его семьи был сад и что он в детстве умудрился свалиться с дерева вместе с обломившейся веткой. В другом он сообщил о новой группе эвакуированных больных. Их имена внесли в отдельную книгу, и теперь он пытался получить копию нужных страниц.

Иногда наши послания ограничивались несколькими предложениями. Мне нравилось, что он не чувствовал необходимости непременно сообщить нечто важное. У него мог не удаться обед, у меня — намеченная прогулка. Однажды мы обменялись мнениями о давно прочитанной книге путешественника, который уверял, будто на восточных островах рыбы умеют летать.

Ясень относился к рассказу с подозрением. Я сослалась на картинку из детской книги. Он ответил, что, если верить художникам, где-то водятся еще и шестиногие лошади: такую он видел на старинном гобелене.

К концу первой недели переписки под новыми именами я заметила, что оставляю на полях черновых записей маленькие замечания, не предназначенные ни для кого из домашних. Мне хотелось запомнить какую-нибудь забавную фразу Мальды, чтобы рассказать о ней Ясеню вечером. Я даже поймала себя на том, что мысленно сочиняю ему ответ во время работы.

За завтраком Селия поинтересовалась, почему я чуть не посолила чай, и попросила передать Ясеню благодарность за поиски. О том, что мы обсуждали помимо Энны, она тоже

спросила, но я уклонилась от ответа.

Я не рассказывала ей о других письмах. Дело было даже не в том, что Ясень являлся человеком с противоположного берега. Мне приятно было иметь разговор, в который не вмешивались ни сестра, ни управляющий, ни люди, привыкшие обращаться ко мне за советом. Даже Энне в последние годы я писала преимущественно о делах и здоровье. С незнакомцем же могла обсуждать летучих рыб и не думать о том, окажется ли кому-нибудь полезно потраченное на это время.

В одном из писем я наконец спросила, почему он назвал себя Ясенем. Оказалось, в детстве он любил читать среди ветвей ясеня возле родительского дома. Ему казалось, что взрослые не знают, где его искать. Теперь, писал он, он подозревал, что им тоже иногда хотелось от него отдохнуть.

В ответ я рассказала о нашей иве и детском шалаше из одеял. Про отца не упомянула, хотя память о нем была неотделима от той истории.

* * *

В четверг, когда должны были прибыть первые возчики Дарна, Бренн принес распоряжение королевского казначейства о новом сборе зерна. Его доставил господин Тейр с писцом и двумя солдатами.

— Мы уже отдали установленную долю в прошлом месяце, — сказала я чиновнику, разложив перед ним хозяйствен-

ные книги. — Если заберете еще столько, сколько здесь указано, нам придется отказать в помощи людям из разоренных деревень.

— Вы можете ходатайствовать об уменьшении сбора. Управление снабжения ответит через несколько недель.

— А зерно вы намерены забрать сегодня?

— Мы обязаны приступить к исполнению распоряжения.

Я заметила, что размер сбора рассчитали по прошлогодним запасам. С тех пор один амбар затопило, другой освободили для беженцев. Бренну я поручила показать Тейру, сколько зерна у нас действительно осталось.

Пока они ходили по амбарам, я разыскала в отцовских бумагах положение о королевских сборах. Посевное зерно и запасы для беженцев, официально принятых на содержание поместья, подлежали защите. Я подсчитала, сколько смогу отдать сверх этого: едва четверть требуемого.

Селия ждала у лестницы. В конюшне уже знали, зачем приехали солдаты.

— Передай женщинам, чтобы оставались на своих местах, — попросила я. — Никого сегодня не выгоняем.

При возвращении Тейра на столе лежали два списка. Увидев второй, чиновник снял очки и протер их, словно надеялся, что ошибся при чтении.

— Мне не позволено изменить размер сбора по собственному усмотрению.

— Я и не прошу вас его менять. Прошу оформить отсроч-

ку до рассмотрения заявления. Возьмите то, что мы действительно можем передать сегодня. Остальное управление решит после получения наших книг.

— А если вам откажут?

— Тогда я отправлюсь к королю и попрошу его лично объяснить жителям моих деревень, чем им кормить детей до лета.

Тейр посмотрел на меня исподлобья. Мне стало стыдно: я воспользовалась родством с дядей, которого сама же не раз упрекала в том, что он ставил происхождение человека выше его заслуг. Но без этой возможности наш спор, пожалуй, закончился бы гораздо раньше.

В итоге чиновник согласился принять часть зерна и приложить к отчету сведения об испорченных запасах. Бренн отправился вместе с писцом взвешивать мешки. Я попросила составить расписку в двух экземплярах и не поленилась сверить оба листа прежде, чем поставить печать.

На бланке, приложенном к расписке, я заметила странную запись. Стоимость перевозки зерна до армейских складов уже значилась оплаченной, хотя мешки еще лежали в нашем амбаре. В соседней строке стояла печать управления снабжения и подпись, которую я с трудом разобрала: М. Восс.

— Так за перевозку уже заплатили? — спросила я Тейра.

— Казначейство заранее выделяет деньги на обозы.

— Но здесь написано, что работы выполнены.

Он придвинул к себе лист, прочитал и пожал плечами.

— Бланки заполняют в столице. Мне надлежит только вписать количество полученного зерна.

Я попросила Бренна снять копию и с этой бумаги. Возможно, у чиновников действительно существовал такой порядок, однако выплачивать деньги за еще не исполненное обязательство мне казалось странным. Отец за подобную запись заставил бы управляющего переделать весь отчет.

К вечеру королевский обоз уехал. У нас осталось почти три четверти зерна, подлежавшего изъятию, но пришлось отдать часть денег Дарну раньше срока: его возчики прибыли как раз в разгар нашего спора, увидели солдат и отказались разгружать телеги без немедленной платы. Бренн до темноты пересчитывал наличность.

Ужин давно остыл, когда я наконец спустилась в столовую. Селия сидела возле камина и чинила рукав детской рубахи. На столе под перевернутой миской ждала меня тарелка с пирогом.

— Все уехали? — спросила она.

— Уехали. Через месяц могут вернуться.

Сестра отложила шитье и принесла мне тарелку.

— Поешь. Завтра будем думать, что делать, если вернутся.

Я принялась за пирог. Он оказался с капустой, которую я терпеть не могла с детства, и все же съела два куска. Селия рассказывала о Томе, умудрившемся убедить плотника, что у него есть дар к изготовлению деревянных зверей. Мне при-

шлось попросить ее повторить конец истории: я продолжала мысленно подсчитывать наши расходы и пропустила половину сказанного.

У себя в кабинете я обнаружила письмо от Ясеня. Он писал о том, как провел воскресный день за старой книгой и по рассеянности принялся отвечать на вопрос автора, сделав длинную запись прямо на полях. Книга, как выяснилось, принадлежала другому человеку. Теперь ему предстояло либо сознаться, либо убедить владельца, что замечание было оставлено кем-то из предков.

Обычно я с удовольствием ответила бы на такую историю. В тот вечер мне пришлось трижды перечитать письмо, чтобы понять его содержание. Я отложила лист и долго сидела без дела. Внизу закрывали ставни, кто-то нес по коридору корзину с бельем. Я слышала, как Марта скреблась в дверь, но даже встать и впустить кошку не хотелось.

Мне предстояло еще написать два обращения в казначейство, а утром снова встать пораньше. Когда я подумала об этом, у меня вдруг навернулись слезы. Сколько себя помнила, я не позволяла себе плакать над хозяйственными счетами. Сейчас же меня расстроила даже необходимость найти бумагу для очередного заявления.

Я выдвинула ящик, достала чистый лист и написала:

«Господин Ясень,

прошу простить меня за то, что сегодня не сумею ответить Вам ничего веселого. День выдался скверный. При-

шлось долго спорить с человеком, которому совершенно безразлично, что будет с людьми, когда он уедет. Я велела передать нескольким семьям, что им не придется покидать дом, а потом обнаружила, что могу не сдержать обещания.

Удивительно, как много времени уходит на то, чтобы объяснить взрослому человеку простую вещь. Люди хотят есть каждый день. Им трудно ждать, пока кто-нибудь в другом городе прочтет их прошение.

Я устала. И, пожалуй, даже не знаю, зачем Вам об этом пишу».

Я помедлила, прежде чем сложить лист. В нем не было ни названий, ни имен, однако мне прежде никогда не приходило в голову рассказывать малознакомому человеку о том, в чем я с трудом признавалась родной сестре. Хотела порвать письмо и вместо него отправить обычное пожелание доброй ночи. Потом подумала, что Ясень вполне может пережить вечер без моих шуток, и приложила бумагу к серебру.

Марта к тому времени уже перестала скрестись. Когда я открыла дверь, она сидела в коридоре спиной ко мне. Пришлось уговаривать ее войти. На редкость неудачный день завершился примирением с кошкой, которая заняла половину моей постели и до утра мешала мне переворачиваться.

* * *

Ответ пришел после завтрака.

«Госпожа Ива,

вчера я с самого утра был занят разговором, который должен был продлиться четверть часа. Продлился он до обеда. К тому времени все присутствующие знали мнение друг друга наизусть, но продолжали повторять его с возрастающим раздражением. Предполагаю, что Ваш день был устроен примерно так же.

Мне жаль, что Вам пришлось давать обещание, исполнения которого Вы не могли гарантировать. Надеюсь, этим людям удалось остаться в доме. Если же нет, возможно, Вам еще удастся найти способ им помочь. За столько писем я успел заметить, что Вы обычно доводите свои дела до конца, даже если люди вокруг всеми силами этому препятствуют.

Впрочем, сегодня я предпочел бы узнать, удалось ли Вам поужинать».

Я дочитала письмо стоя возле стола и вернулась к последней строке. Ничего похожего на совет, как следовало поступить, я не получила. Он даже не пытался выяснить, кому принадлежал дом, кто заставлял меня давать обещания и каким образом можно было бы уладить спор. Я могла ответить ему, не защищаясь и не объясняя всего остального.

Вечером написала, что семьи остались, а я съела два куска капустного пирога. Упомянула, что предпочла бы яблочный, если бы кто-нибудь наконец научил меня его печь.

Ясень в следующем письме признался, что сам вряд ли сумеет помочь. Некоторое время назад, оставшись один, он

решил приготовить себе завтрак. Яйца подгорели, хлеб тоже, а потом выяснилось, что его присутствие на кухне мешало человеку, который мог бы справиться со всем этим гораздо лучше.

«Боюсь, хозяйством мне распоряжаться нельзя. Зато у меня есть одно достоинство: я согласен мыть посуду. Правда, никто пока не решился проверить, насколько хорошо у меня это получается».

Я рассмеялась так громко, что Бренн, проходивший мимо открытой двери, остановился и заглянул в кабинет. Увидев меня с письмом, он осведомился, не пришли ли наконец деньги из казначейства.

— Нет, господин Бренн. Простите.

— А жаль, — произнес он и отправился дальше.

В тот день я оставила хозяйственные книги закрытыми после ужина. Мы с Селией до позднего вечера играли в карты. Она проиграла дважды, обвинила Марту в том, что кошка подсматривала ее карты, и в третий раз одержала победу.

В последующие дни Дарн доставил оставшееся зерно, а на груше появились цветы на ветке, которую я собиралась обрезать. Садовник показал мне их с таким выражением лица, что я пообещала впредь не приближаться к дереву с ведром без его разрешения.

Ясень тем временем разыскал человека, видевшего часть госпитальных работников после эвакуации. Свидетель помнил женщину, которая помогала перевязывать раненых и

обожгла когда-то руку. Имени ее он не знал. Я запретила себе раньше времени радоваться совпадению. У госпитальных работников часто оставались шрамы на руках: ожог сам по себе еще не был доказательством.

Но Ясень обещал проверить, куда она отправилась, и я уже почти не сомневалась, что он сделает это.

В одном из писем он задал мне странный вопрос. Если бы я могла провести целый день по собственному усмотрению, не отвечая ни перед кем за свои занятия, что бы я сделала?

Я села писать ответ, уверенная, что справлюсь с ним за несколько минут. Вместо этого просидела над бумагой почти полчаса. Мне приходили в голову путешествия, которые я отложила после начала войны, книги, так и оставшиеся неразрезанными, прогулки верхом за пределами поместья. Но стоило представить какой-нибудь из этих дней, и я начинала прикидывать, кто вместо меня примет поставщика, поговорит с Бренном или проследит, чтобы Мальда не вздумала покупать дорогие пряности.

В конце концов написала самое простое:

«Я бы выспалась. Проснулась бы, когда сама захочу, и еще немного полежала. Мне не пришлось бы торопиться к завтраку и смотреть на часы. А если бы за окном оказалось тепло, я вышла бы в сад с книгой.

Теперь Ваш черед. Что Вы стали бы делать, если бы весь день принадлежал Вам?»

Он ответил на следующий день.

«Для начала я постарался бы не разбудить Вас до полудня. Правда, горячий завтрак к этому времени вряд ли сохранился бы. Насчет моих способностей на кухне я Вас предупреждал.

А если серьезно, я хотел бы провести день за какой-нибудь работой, результат которой зависит только от моих рук. Починить ограду, поставить скамейку в саду. Сделать что-нибудь полезное, о чем потом не потребуется никому докладывать. И пообедать на улице, если погода позволит».

Я перечитала первую фразу. Он написал о моем сне так, словно собирался провести тот свободный день рядом со мной. Возможно, ничего особенного в этом не было: мы ведь обсуждали воображаемые обстоятельства. И все-таки я несколько раз за утро вспомнила о его словах.

Мне представилась открытая дверь на террасу, солнечные пятна на деревянном полу, чьи-то шаги в саду. Я не сумела вообразить самого мужчину. Зато довольно отчетливо услышала звук отодвигаемого стула и представила, как подхожу к столу с растрепанными волосами, совершенно не беспокоясь о том, что обо мне подумают.

* * *

В воскресенье, спустя две с небольшим недели после того, как мы с Ясенем обменялись именами, я вернулась с утренней службы раньше Селии. Солнце пригревало, в саду

пахло влажной землей. Я решила переодеться и сходить посмотреть, как идет ремонт крыши в западном крыле, однако прежде заглянула в кабинет.

Возле ключа лежало письмо.

Я развернула его, заранее ожидая встретить какую-нибудь шутку о моих садоводческих успехах. Вместо привычного обращения увидела всего три слова, написанные в первой строке отдельно от остального текста.

«Энна Летт жива».

Мне пришлось сесть.

«Удалось получить копию записи о прибытии госпитальных работников в монастырь Белого Берега. Там указаны ее полное имя, возраст и прежнее место службы. Кроме того, человек, доставлявший припасы в монастырь несколько дней назад, вспомнил женщину с ожогом на левой руке. Она помогала ему разбирать привезенные вещи.

Думаю, речь действительно о ней. Последние сведения относятся к концу прошлой недели. Госпожа Энна находилась в монастыре и, судя по рассказу этого человека, была здорова настолько, чтобы заботиться о других.

Туда время от времени пропускают обозы с южного берега. Попробуйте передать ей письмо через одного из возчиков. Думаю, она будет очень рада получить Ваше».

Я отложила лист, но тут же взяла его снова. Прочитала имя, название монастыря, еще раз нашла глазами слова о женщине с ожогом. Затем поднялась и вышла в коридор.

Селия как раз возвращалась домой. Я встретила ее возле лестницы, сунула ей письмо и, не сумев выговорить ничего вразумительного, показала первую строку. Сестра прочла, охнула, а потом прижала меня к себе так крепко, что я едва не потеряла равновесие.

— Мы ей напишем, Марена! Сегодня же. У Бренна есть знакомые возчики, правда? И у купца, который нам зерно привозил. Должен же кто-нибудь туда ездить!

— Выясним.

Мы долго стояли на лестнице, смеялись и вытирали слезы. Селия хотела немедленно отправить воспитательнице теплую шаль, лекарства, яблочное варенье и половину содержимого нашей кладовой. Я уговорила ее сначала разыскать человека, согласного отвезти письмо. Все остальное можно было передать позднее.

За письмом к Энне мы провели почти весь день. Селия исписала несколько страниц, потом попросила у меня еще бумаги. Я же время от времени возвращалась взглядом к короткому посланию Ясеня, оставленному на краю стола.

Он мог перестать отвечать нам еще после первого письма. Мог ограничиться двумя строками о найденном ключе и больше не утруждать себя чужими делами. Вместо этого несколько недель разыскивал женщину, с которой даже не был знаком.

Ближе к вечеру я осталась одна. До вечернего срока отправки оставалось еще немного времени. Я достала лист и

написала благодарность от нас обеих, сообщила, что постараюсь разыскать возчика, и пообещала известить его, если Энна ответит.

На этом следовало закончить. Я уже поставила подпись, но все-таки добавила внизу несколько слов.

«Кстати, Вы так и не рассказали мне, почему не поставили скамейку в собственном саду. Если Вам захочется, расскажите в следующий раз».

Впервые у меня не было необходимости ждать от него новых сведений об Энне. Я отправила письмо и лишь тогда призналась себе, что все равно стану ждать ответа.

# Глава 3. Дом для двоих

Господин Дарн взялся доставить письмо Энне с подозрительной готовностью. Его компаньон возил в монастырь муку и имел разрешение на переправу. Самому Дарну хотелось оставить у нас две груженые телеги, пока он ездит в Арвел: на дороге участились грабежи, а постой в городе обходился дорого.

Мы договорились. К письму Дарн обещал прибавить маленький сверток, если в нем не окажется ничего бьющегося. Селия, уже приготовившая для Энны посуду, лекарства и несколько банок варенья, отнеслась к этому известию с крайним неудовольствием. Пришлось уступить ей собственную теплую шаль: она была достаточно тонкой, чтобы завернуть в нее все необходимое.

— Ты думаешь, она по-прежнему не любит шерсть с колючей ниткой? — спросила сестра, когда мы укладывали сверток.

— Едва ли ее вкусы настолько изменились.

— Боги, Марена, ведь я уже не помню, в каком платье она уехала.

В тот день Энна обещала навестить нас к началу следующей осени. Я еще не знала, что через год начнется война и она останется в Тарвене.

— В синем, — вспомнила я. — На рукаве было пятно от

малины. Ты заставила ее перед отъездом зайти на кухню, потому что Мальда только что сварила варенье.

— Точно!

Селия засмеялась и поспешила затянуть бечевку на свертке. Я принесла наше письмо, проверила адрес и поставила печать. Удивительно было вновь отправлять Энне послание обыкновенным способом, с указанием ее имени и места, где она жила. За годы войны я отвыкла от мысли, что написанное мною может ехать в чьей-то сумке, пережидать дождь под чужой крышей и добраться до нужного человека благодаря усердию нескольких незнакомцев.

Вечером я получила ответ Ясеня.

«Госпожа Ива,

Вам не за что меня благодарить. В поисках участвовало немало людей, которые знали о госпитале гораздо больше меня. Если когда-нибудь увидитесь с госпожой Энной, передайте ей мои наилучшие пожелания.

Скамейку в саду я не поставил по двум причинам. Во-первых, у меня давно нет сада. Во-вторых, последняя вещь, которую я попытался сделать из дерева, развалилась, прежде чем я успел объяснить окружающим, для чего она предназначалась.

Однако, окажись у меня сад, я бы с удовольствием попробовал снова».

Меня удивила первая из названных причин. Я представляла его в каком-то доме, где он жил один или вместе с

родственниками, и до сих пор мне не приходило в голову спросить, существует ли этот дом на самом деле. Возможно, Ясень, как и многие люди, которых я знала, лишился своего жилья за годы войны.

Я не стала расспрашивать его об этом. Рассказала, что письмо Энне уже отправлено, а насчет скамейки предложила начать с табурета. Если тот окажется ненадежным, падать будет не так далеко.

На следующий день Ясень прислал рисунок табурета, сделанный на полях письма. Я оценила его работу, как когда-то Энна наши ученические тетради. Лист с рисунком положила к остальным посланиям: для них уже требовалась отдельная папка.

* * *

Ответ из монастыря пришел в следующую пятницу. Я узнала об этом во время обеда: Дарн прислал своего помощника, и тот передал Мальде небольшой конверт, из которого выглядывал обрывок зеленой бечевки. Кухарка принесла его прямо в столовую.

Мы с сестрой одновременно потянулись к письму. Селия успела первой, однако читать начала вслух, едва развернула лист.

«Девочки мои, кто додумался посылать мне теплую шаль в начале лета? У нас здесь погода прекрасная, а по утрам я

работаю на огороде, где мне мешает даже передник. Но за шаль спасибо. Сохраню ее к зиме».

На второй строчке Селия заплакала. Я дочитала письмо сама.

Энна действительно находилась в монастыре Белого Берега. При эвакуации она лишилась почти всех своих вещей: кто-то из носильщиков оставил ее сумку в госпитале, а возвращаться за ней уже не разрешили. Она перебралась сначала в маленький приют неподалеку от границы, затем вместе с несколькими ранеными попала к братьям. Сейчас помогала больным и собиралась провести там лето. Возвращаться в Тарвен она пока не хотела, а до нашего дома из монастыря было трудно добраться без особого разрешения.

«Если представится случай, приеду, — писала она. — Только не присылайте за мной людей, пока на дорогах неспокойно. У меня здесь достаточно работы, кормят хорошо, а брат Матис, который заведует кухней, прислушивается к моим советам. Из него выйдет толк, хотя ему уже пятьдесят восемь».

В конце она упомянула ключ. Энна была рада, что он попал к человеку, пожелавшему помочь, и просила не утруждать его возвращением артефакта. Монастырь получал почту несколько раз в месяц, и этого ей теперь было достаточно. Если мы когда-нибудь снова увидимся, писала она, о ключе можно будет подумать и тогда. А пока пусть остается там, где принес кому-то пользу.

Селия велела Мальде достать бутылку вина из тех, что мы берегли к особым дням. Даже Бренн позволил себе пропустить за здоровье госпожи Летт маленькую чарку.

Уединившись после ужина, я положила перед собой чистый лист.

Теперь следовало сообщить Ясеню, что поиски закончились. У меня больше не было оснований беспокоить его, а ему незачем держать при себе почтовый ключ. Энна позволила оставить серебро, но из этого вовсе не следовало, что незнакомец захочет пользоваться им дальше.

Я написала, что получила письмо, пересказала последние новости и поблагодарила за участие. Затем добавила просьбу: если когда-нибудь он решит избавиться от ключа, пусть предупредит меня, чтобы я знала, кому достанется парный артефакт.

«Благодаря Вам сегодня в нашем доме был настоящий праздник. Надеюсь, когда-нибудь смогу отблагодарить Вас за помощь».

Несколько минут я смотрела на это заключение. Оно было вежливым, уместным и оставляло собеседнику возможность больше не отвечать. Мне захотелось приписать что-нибудь о груше, которая наконец начала отцветать, но я удержалась. Странно было цепляться за садовые мелочи в письме, которое могло стать последним.

Я отправила лист и убрала ключ в ящик.

На следующее утро мне предстояло ехать в город. Я со-

бралась раньше обычного, надела дорожное платье, велела подать лошадь и даже дошла до лестницы, прежде чем вернулась в кабинет.

Возле серебряной пластинки лежал сложенный лист.

«Госпожа Ива,

очень рад за Вас и Ваших близких.

Теперь, когда госпожа Энна благополучно найдена, Вы имеете все основания больше не тратить бумагу на человека, который не сумел нарисовать приличный табурет. Но мне хотелось бы узнать, позволите ли Вы иногда писать Вам и впредь.

Я привык к нашим разговорам. В некоторые дни они доставляют мне больше удовольствия, чем все остальные занятия.

Если Вы предпочитаете на этом закончить знакомство, я пойму».

Я взяла письмо с собой в город. Даже у нотариуса, где пришлось исправлять договор с плотником, думала о нем. В конце концов написала всего несколько строк.

«Господин Ясень,

пишите. Мне тоже нравятся наши разговоры.

А за табурет не переживайте. Я сегодня видела человека, который умудрился заказать крышу на целый локоть короче дома. В хорошей компании Вы вполне могли бы считаться мастером».

После отправки я еще немного посидела за столом. Мне

не требовалось разрешение Энны на новые письма: она уже высказалась насчет ключа. Зато королевское разрешение, лежавшее в том же ящике, никуда не исчезло. В нем значилось имя госпожи Летт. Если раньше я могла хотя бы объяснить свои действия необходимостью ее разыскать, теперь такого оправдания у меня не оставалось.

Я достала документ, перечитала его и спрятала обратно.

Ясень не просил у меня сведений о дорогах, войсках и деньгах. За все время переписки он ни разу не попытался выяснить, где я живу. Я знала, что не собираюсь причинять вред своему королевству. Но я также знала, что, явись завтра проверяющий, объяснить ему свои поступки окажется непросто.

Поздним вечером Селия застала меня в гостиной с вышиванием. Я распустила один и тот же шов дважды, и сестра молча забрала у меня иглу.

— Так он еще пишет?

— Кто?

— Марена, прошу тебя.

Я рассмеялась.

— Да. Он спросил, можно ли продолжать.

— И ты разрешила?

— Разрешила.

Селия вернула мне вышивание, села поближе и долго разглядывала цветные нитки.

— Только будь осторожна. Я рада за Энну, и он, наверное,

хороший человек. Но мы ведь совсем ничего о нем не знаем.

— Я помню.

— Если он когда-нибудь попросит тебя куда-нибудь приехать одну, скажи мне прежде, чем согласишься. Обещай.

Я пообещала. Ее беспокойство было вполне разумным, и мне не хотелось превращать наши отношения с сестрой в очередную тайну.

* * *

Вскоре Ясень предложил отказаться от чинных обращений. Он написал, что чувствует себя старым чиновником всякий раз, когда начинает письмо словами «госпожа Ива», а однажды чуть не поставил после них дату и номер исходящего документа.

Я ответила, что с удовольствием оставлю звание госпожи человеку, которому оно доставляет больше радости, чем мне.

Следующее его письмо начиналось простым «Ива».

Я несколько раз переписала собственный ответ, прежде чем сумела обратиться к нему на «ты». В последующие дни мы так увлеклись спором о герое старого романа, бросившем невесту ради путешествий, что Ясеню пришлось признаться: он никогда не дочитывал последнюю часть. Я потребовала, чтобы он это сделал, прежде чем продолжать защищать негодяя.

Бывали и менее приятные разговоры.

Однажды я упомянула, что сильно промокла, когда ездила по делам, и к вечеру у меня разболелось горло. В следующем письме Ясень почти приказал мне оставаться дома, пить горячее и поручить поездки кому-нибудь другому.

«Не думаю, что люди, которые так охотно занимают твое время, станут возражать, если один день ты проведешь в постели. А если станут, пусть справляются сами».

Утро у меня действительно выдалось тяжелым. Бренн принес известие о поломке мельничного колеса, а хозяйка соседнего двора, у которой собирались разместить еще две семьи, внезапно передумала. Письмо Ясеня я открыла уже после того, как вернулась из деревни с головной болью. Его совет показался мне удивительно похожим на распоряжения людей, которые с легкостью решали, чем мне надлежало заниматься, даже если плохо представляли мои обстоятельства.

Я ответила резче, чем намеревалась.

«Благодарю за заботу, но распоряжаться моими днями я предпочитаю сама. Если бы можно было поручить поездку другому человеку, я бы так и сделала».

До утра я успела пожалеть о своем тоне. Он не знал ни о мельнице, ни о том, что женщина из соседнего двора отказывалась разговаривать с Бренном. Пожалуй, мне следовало объяснить хотя бы это, не раскрывая подробностей. С другой стороны, меня по-прежнему злила его уверенность, что

все можно устроить, просто велев мне остаться в постели.

Ответ был коротким.

«Ива,

ты права. Мне следовало спросить, можешь ли ты отдохнуть. Прости. Я, кажется, слишком часто имею дело с людьми, которым достаточно сказать, что делать, и иногда забываю, как это звучит для остальных.

Надеюсь, горло прошло. Если хочешь, расскажи, чем закончилась твоя поездка».

Я не ожидала извинения. Дядя, например, умел обращать разговор так, что к концу виноватым оказывался человек, осмелившийся возразить ему. Отец признавал ошибки гораздо охотнее, хотя и у него бывали дни, когда разумнее было не спорить.

Я написала Ясеню, что уже чувствую себя лучше, а поездка закончилась удачно. Потом попросила простить меня за резкость. Он ответил, что считает нас обоих достаточно взрослыми, чтобы пережить один неприятный разговор, и поинтересовался, где я раздобыла такую ужасную погоду. Мы вернулись к книгам, но я запомнила его признание. Мне встречались люди, привыкшие отдавать распоряжения. Ясень, вероятно, принадлежал к их числу, хотя до сих пор мне было трудно представить, чем именно он занимался.

В конце недели он предупредил, что несколько дней не сможет писать. Причину назвал неопределенно: предстоит поездка, от которой он не может отказаться. Я пожелала ему

благополучного возвращения.

На третий день без писем Селия застала меня за разглядыванием пустого стола.

— Он предупредил, что уезжает?

— Да.

— Тогда не мучай себя. Люди возвращаются из поездок.

Я кивнула. Мы обе прекрасно знали, что иногда они не возвращались.

Вечером четвертого дня я собиралась убирать со стола образцы полотна, когда возле чернильницы упал лист. Я даже услышала легкий шорох бумаги и увидела, как она, расправившись, закрыла серебряную пластинку.

«Вернулся. Устал, совершенно промок и обнаружил, что забыл, на какой странице остановился в книге. В остальном все благополучно. Как ты, Ива?»

Я поспешила отыскать перо.

«Рада, что ты вернулся. Книгу открой с начала. Она того заслуживает».

Я приписала, что у нас стоят теплые дни, и рассказала об осле, которым Том так гордился. Перед отправкой добавила:

«Мне тебя не хватало».

Три последних слова волновали меня гораздо сильнее всего остального письма. Я долго не решалась сложить лист, хотя успела сказать Селии практически то же самое, когда она спрашивала о Ясене. Признаться в этом ему самому оказалось гораздо труднее.

Утром меня ждало короткое послание. Ясень написал, что в дороге несколько раз принимался мысленно составлять мне письмо, а потом ловил себя на том, что улыбается, сидя в совершенно неподходящей для этого компании.

«Я тоже скучал по тебе. И, кажется, теперь привык к тому, что мне есть кому рассказать, как прошел день».

* * *

В начале лета мы с Селией вынули из отцовского шкафа книги, чтобы проветрить их. В старом кабинете было сыро: из-за поврежденной крыши весной протек потолок, и теперь Бренн велел держать окна открытыми, когда позволяла погода. Мы перенесли книги на длинный стол возле окна, вооружились мягкими тряпками и принялись стирать пыль с переплетов.

Селия нашла альбом с зарисовками отца. В детстве она обожала его, потому что на нескольких страницах отец изобразил смешные портреты наших соседей. Среди них оказалась и почтенная госпожа, чья прическа напоминала копну сена после грозы.

— Помнишь, как она заставила его ждать два часа? — спросила сестра. — А он ведь сам пригласил ее на обед.

На обороте того листа я обнаружила набросок моста. Отец изобразил торговцев возле северной арки, мальчика с корзиной и собаку, лежавшую посреди дороги. Я узнала место

раньше, чем прочла дату.

Селия тоже его узнала. Она перестала улыбаться и коснулась пальцем бумажной собаки.

— Мне иногда кажется, что я забыла его голос.

— А я помню, как он сердился, когда мы долго собирались к обеду. «Госпожи Вельд, кушанья имеют свойство остывать».

Я произнесла эту фразу с отцовской интонацией. Селия засмеялась, и мы еще долго вспоминали, как он говорил с нами, как стучал рукоятью ножа по столу, когда хотел привлечь внимание домашних, как путался в названиях цветов, хотя каждый год покупал для матери новые саженцы.

Альбом я оставила у себя. В тот вечер, когда Ясень спросил, почему я люблю старые книги, мне захотелось рассказать ему об отце. До сих пор я избегала этой темы. Писать человеку из Тарвена о своей утрате казалось почти несправедливым: он ничего не мог сделать с тем, что случилось, а мне не хотелось, чтобы в ответ он стал защищать своих соотечественников.

Я описала рисунок собаки и рассказала, что отец учил нас замечать смешные подробности в самых обыкновенных вещах. Потом призналась, что его уже несколько лет нет в живых.

«Сестра сегодня сказала, что боится забыть его голос. Мне до сих пор иногда хочется позвать отца, когда нужно решить трудное дело. У меня уже вполне достаточно опыта, чтобы

справиться самой. А желание никуда не делось».

О том, где и как он погиб, я не написала.

Ясень ответил спустя два дня. Почерк на этот раз был мелким, и в нескольких местах ему пришлось вписать пропущенные слова над строками.

«Ива,

мой младший брат любил заходить ко мне без стука. Даже когда мы выросли, он считал, что правила приличия придуманы для всех, кроме него. Если я был занят, он садился и начинал читать мои бумаги вверх ногами, пока я не обращал на него внимания.

Его тоже нет в живых. После смерти брата я обнаружил, что иногда оставляю дверь незапертой, хотя жду уже совсем других людей. Прошло немало времени, прежде чем я перестал это делать.

Я не знаю, как утешить тебя. Но хорошо понимаю, почему ты все еще хочешь позвать отца».

Как звали его брата? При каких обстоятельствах он погиб? Ясень рассказал ровно столько, сколько смог. Я не стала требовать большего.

В следующие дни мы обменивались историями о детстве. Ясень признался, что однажды спрятал сапоги младшего брата, рассчитывая ускользнуть на рыбалку. Сапоги нашла мать, а брат отправился вместе с ним в его собственных, которые были велики на три размера.

Однажды вечером он сам заговорил о войне. Я спросила,

отчего он почти никогда не пишет о своей работе, и получила ответ, который заставил меня по-новому взглянуть на многое из сказанного прежде.

«Я связан с армией. Больше мне пока трудно рассказать, и я прошу тебя не спрашивать о звании и месте службы. Дело не в недоверии к тебе. Мне пришлось бы либо нарушить собственные обязательства, либо солгать, а делать ни того ни другого я не хочу.

Ты однажды написала, что больше всего боишься не сдержать обещание, данное людям. Я понимаю этот страх. Но знаю и другой. Бывает, ты принимаешь решение, которое считаешь правильным, а потом годами думаешь о тех, кому оно причинило горе. Я принимал такие решения. Некоторые из них до сих пор не дают мне спать».

Я невольно посмотрела в окно, за которым темнели деревья. Где-то за ними, за полями и рекой, начинались земли Тарвена. На севере служили тысячи мужчин, многие были призваны против своей воли. Я знала это, но почти никогда не задумывалась о них по отдельности. Теперь один из них спрашивал меня по утрам, хорошо ли я спала, и помнил, какую начинку я предпочитала в пирогах.

Мне было неприятно обнаружить в нем связь с армией Тарвена. Одно дело — переписываться с человеком из враждебной страны, другое — с тем, кто, возможно, участвовал в самой войне. Я ходила по комнате, перебирала в уме наши разговоры и тщетно пыталась угадать, кем он служит. Потом

представила, как он ответил бы, узнав, чей приказ стоял за гибелью моего отца. И поняла, что все еще не готова рассказывать ему об этом.

Я ответила ближе к полуночи.

«Спасибо, что сказал. Не стану спрашивать о твоей службе. Но если когда-нибудь мы встретимся, мне захочется знать, какие решения ты имеешь в виду. Обещай, что тогда не станешь от меня ничего скрывать».

На следующий день он прислал ответ:

«Обещаю. Хотя не уверен, что после этого тебе захочется остаться со мной за одним столом».

Я долго обдумывала эти слова, прежде чем написать, что предпочитаю сама решать, с кем мне сидеть за столом. Обещать ему заранее, что все пойму, я не стала. Мне казалось, он и не ждал от меня такого обещания.

* * *

Ближе к середине месяца в наших краях установилась сухая погода. На дороге к мельнице больше не вязли телеги, Мальда начала покупать первую землянику, и по вечерам мы выносили ужин на террасу. Я часто брала туда письма, когда оставалась одна, и однажды Ясень попросил описать, каким я вижу идеальный дом.

Я рассмеялась: ничего идеального в моем собственном доме в тот момент не было. В одном крыле меняли кровлю,

под окнами собирались переделывать дорожку, а возле кухни не хватало места для хранения дров. Я могла бы написать длинный перечень неудобств, но вместо этого представила маленький дом, где мне не пришлось бы ежедневно обходить десятки комнат.

«В нем должна быть просторная кухня. И окно над столом, чтобы видеть сад. Еще одна комната с книгами, где можно сидеть зимой. Желательно, чтобы хозяин дома не возражал против того, что хозяйка время от времени оставляет их раскрытыми на кресле».

Ясень добавил к моему дому широкое крыльцо и мастерскую. Потом поинтересовался, нельзя ли отвести ему часть комнаты с книгами.

«Я обещаю не закрывать твои книги, если ты согласишься не складывать поверх моих счета».

Мне понравилось, с какой легкостью он написал о моих счетах. На протяжении многих лет люди говорили о возможном замужестве так, словно вместе с супругом я непременно приобрету кого-то, кому должна буду передать все свои дела. Ясень же спокойно помещал мои бумаги в дом, который собирался разделить со мной.

Мы даже успели поспорить о том, стоит ли заводить козу. Я возражала: уже имела дело с животными, способными объесть цветник.

Однажды я спросила, куда он поставит скамейку, если наконец научится их делать. Он ответил, что в саду, под дере-

вом. Там можно будет сидеть вдвоем после ужина.

«Ива, я все чаще думаю, что хотел бы с тобой встретиться. Когда откроют границу, можно будет выбрать место, где мы оба будем чувствовать себя спокойно. Никаких поездок в неизвестные дома. Я готов ждать, пока ты сама будешь к этому готова».

Я взяла письмо с собой в сад и села под старой ивой. Я даже не знала возраста Ясеня. Не знала, как он смеется, каким голосом произносит мое придуманное имя и понравится ли ему моя привычка разговаривать за завтраком о хозяйственных делах. Но я хотела узнать все это.

В ответном письме я согласилась встретиться с ним, если нам удастся сделать это безопасно. Место мы решили выбрать позднее: пока еще даже обозам с мирными грузами приходилось получать специальные разрешения.

«А пока, — написала я, — было бы неплохо узнать хотя бы, занят ли кто-нибудь уже строительством нашего дома. Есть ли у тебя жена, невеста или женщина, которая ждет твоего возвращения?»

Этого вопроса я давно избегала. Мне хотелось верить, что человек, с которым я переписывалась, не стал бы говорить о нашем будущем доме, если бы у него была семья. Но догадки не стоили многого.

Он ответил без колебаний.

«Я никогда не был женат. И сейчас никому не обещал ни брака, ни совместной жизни. Если бы это было иначе, я бы

не просил тебя о встрече.

Могу ли я спросить тебя о том же?»

Я написала, что свободна. Затем, сама не до конца понимая, почему решилась на такую откровенность, добавила, что прежде никогда не ждала писем от мужчины так, как жду его.

Ответ Ясеня оказался почти вдвое короче моего.

«Ива, я не умею делать признания на бумаге. Особенно такие. Но если бы сейчас мне позволили выбрать, с кем провести остаток дня, я выбрал бы тебя. И вчера выбрал бы тебя. И, боюсь, завтра мой выбор не изменится.

Мне хотелось бы, чтобы у нас был шанс узнать, что получится из этого в настоящей жизни».

На этот раз я не пыталась придумать остроумную реплику. Я написала, что тоже хочу быть с ним. Когда серебро согрелось под моими пальцами, мне вдруг захотелось оказаться рядом с Ясенем именно в ту минуту, когда он прочтет ответ. Я представила, как он разворачивает мой лист, и пожалела, что не увижу его лица.

* * *

К концу седьмой недели нашего знакомства на старой груше наливались плоды. Садовник запретил мне трогать их до осени. Бренн, получивший наконец часть денег за проданное полотно, ходил по дому в прекрасном расположении духа, а

Селия собиралась устроить небольшой обед в честь окончания ремонта крыши.

Утром мы выбирали скатерти, когда на подъездной дороге послышался топот нескольких лошадей. Я выглянула из окна и увидела всадников в королевских цветах. Один из них спешился у крыльца, отдал поводья конюху и поднялся по ступеням с кожаной сумкой через плечо.

Бренн встретил его в холле. Через несколько минут за мной пришла Мальда.

— Госпожа, посланник из столицы. Спрашивает вас лично.

Я спустилась, на ходу пытаясь вспомнить, все ли распоряжения казначейства исполнила и не осталось ли у чиновников новых вопросов к нашим амбарам.

Посланник поклонился и протянул мне конверт с большой восковой печатью. Я узнала герб дяди. Такие письма доставлялись отдельно от обычных государственных распоряжений, и на конверте стояло мое полное имя.

— Его величество просит вас прибыть в Арвел, госпожа Вельд. Как можно скорее. Мне велено сопроводить вас до столицы.

— О каком деле идет речь?

— Полагаю, его величество объяснит вам лично. Я не посвящен в содержание письма.

Я вскрыла конверт. Дядя сообщал, что мое присутствие необходимо для переговоров, касающихся будущего приграа-

ничных владений. Он просил не откладывать отъезд и взять с собой документы, подтверждающие права рода на земли возле Меловой переправы.

Внизу стояла собственноручная подпись короля.

— Когда вы намерены выезжать? — спросила я.

— Завтра на рассвете, если это возможно.

Я попросила Бренна устроить посланника и его людей на ночлег. Селия ждала меня у лестницы, прижимая к груди сложенную скатерть. Я передала ей письмо.

— Может быть, он хочет поговорить о новых соглашениях? — предположила она, дочитав.

— Возможно. Но зачем ему бумаги о наследстве?

Сестра не знала. Мы еще немного поговорили о предстоящей поездке, после чего я отправилась собирать документы. Достала из шкафа папку с отцовскими грамотами, книги о земельных сборах и старые планы речных владений. В ящике стола я нашла ключ и утреннее письмо Ясеня. Он спрашивал, много ли плодов выросло на моей груше, и обещал, что однажды попробует их, если я соглашусь угостить его хотя бы одной.

Я ответила, что завтра уезжаю по делам и возьму ключ с собой. Подумав, добавила: «Одну грушу я тебе оставлю. Остальные придется заслужить».

После отправки я завернула серебряную пластинку в кусочек мягкой ткани и положила в дорожную шкатулку. Затем убрала туда последнее письмо Ясеня, а остальные спря-

тала среди своих вещей. В столице мне еще не приходилось пользоваться ключом, и я не собиралась оставлять его без присмотра.

Поездка к дяде меня тревожила, но я надеялась, что на этот раз переговоры действительно будут касаться восстановления переправы. Если король собирался открывать дороги, возможно, наконец появится шанс увидеться с Ясенем. До самого вечера, укладывая вещи в дорожный сундук, я думала о том, в каком платье отправлюсь на нашу первую встречу.

# Глава 4. В приданое — берег

Селия вышла проводить меня в халате, на который накинула отцовскую дорожную куртку. Рукава пришлось подвернуть дважды. Она стояла на крыльце, пока Бренн давал последние наставления кучеру, и с таким неодобрением смотрела на мои сундуки, будто в одном из них везли украденное у нее имущество.

— Ты взяла бальное платье?

— Взяла синее. Для приемов его вполне достаточно.

— А если тебя пригласят танцевать?

— Тогда придется танцевать в синем.

Селия поправила воротник моего плаща. Я знала, что ей хотелось поехать со мной, и при других обстоятельствах охотно взяла бы ее в столицу. Но в доме только закончили ремонт кровли, в деревне у мельницы готовились чистить канавы после разлива, а Бренну необходимо было кому-то показывать счета. Доверять управляющему я могла, однако оставлять поместье совсем без хозяйки не любила.

— Передай дяде, что я на него сержусь, — сказала сестра. — Сколько раз приглашала его к нам, а он все занят. И теперь тебя увозит.

— Передам при первой возможности.

— Только не за обедом. Он обидится и велит принести нам какую-нибудь ужасную рыбу.

Я рассмеялась, обняла ее и забралась в экипаж. Устроившись на сиденье, проверила, на месте ли небольшая дорожная шкатулка. Ее я взяла с собой в салон, хотя все документы, ради которых меня вызвали в Арвел, ехали в сундуке под присмотром королевских людей.

На большой дороге уже двигались телеги, груженные бочками и мешками с шерстью. Навстречу нам прогнали коров, и пришлось ждать, пока пастух оттеснит животных к обочине. Посланник, обещавший выехать на рассвете и прибыть в столицу как можно скорее, сердито поглядывал на дорогу. Я разглядывала знакомые деревни. В одной из них вновь открыли пекарню, и еще прежде, чем мы проехали мимо нее, я почувствовала запах горячего хлеба.

Лиор понемногу обживался после прошлогодних бед. Я надеялась, что дядя наконец нашел способ дать людям передышку.

К вечеру мы добрались до дорожной гостиницы. Королевский посланник занял комнату напротив моей и попросил не выходить во двор одной: в окрестностях недавно ограбили двух купцов. Я пообещала быть осторожной, дождалась, пока служанка принесет умывальную воду, и заперла дверь.

Письмо Ясеня обнаружилось в шкатулке. Серебряная пластинка уже остыла.

«Ива,

относительно груш предлагаю следующее. Первую ты отдашь мне за терпение. Вторую — в благодарность за то, что

я не спросил, куда ты отправляешься. Остальные готов честно заработать. Надеюсь, ты не намерена заставить меня собирать урожай с дерева, на которое придется забираться при помощи веревочной лестницы.

Береги себя в дороге. И напиши, когда доберешься».

Я положила лист на колени. У меня давно не было мужчины, которому хотелось бы сообщить о своем благополучном прибытии куда-нибудь. Селия беспокоилась о каждой моей поездке, Бренн ожидал распоряжений, дяде требовалось знать, когда я появлюсь во дворце. Ясеню же было достаточно нескольких слов о том, что дорога не слишком меня утомила.

«Пока не добралась. Ночую в гостинице, где за весьма скромный ужин с меня взяли столько, сколько стоила бы половина твоего урожая. Зато в комнате есть окно, и даже открывается.

Лестница тебе понадобится. На нижних ветках груш мало, а лучшая растет довольно высоко. Придется научиться. Впрочем, я могу подержать лестницу снизу».

Подумав, я приписала, что скучаю. Отправила лист и, оставив шкатулку на тумбочке возле кровати, легла спать.

На второй день пути я увидела армейский обоз. Печать управления снабжения на бумагах возчиков напомнила мне о странной расписке господина Тейра. В столице я собиралась выяснить, когда нам выплатят деньги за прошлогоднюю поставку.

Арвел показался на горизонте ближе к вечеру. С холмов были видны колокольни, черепичные крыши и широкая башня королевского дворца. В детстве мы с сестрой любили эту минуту. Отец приказывал кучеру ехать медленнее, и мы наперебой угадывали, какая из улиц первой встретится нам за городскими воротами. Мать обычно просила нас отодвинуться от окна: волосы растреплются, платья помнутся, а бабушка непременно захочет увидеть внучек сразу после приезда.

Возле ворот стражники проверяли дорожные грамоты. Мы прошли без задержки. На улице, где прежде продавали привозные пряности, половина лавок оказалась закрыта, зато возле сапожной мастерской выстроилась очередь.

Меня разместили в западном крыле дворца, в комнатах, которые прежде занимали мы с Селией. Дядя до позднего вечера был занят советом и ожидал меня утром. Королева нездоровилась и принимала только близких, поэтому я попросила пока передать ей привет.

Когда служанка ушла, я осмотрела письменный стол. В правом ящике по-прежнему лежал нож для разрезания бумаги с ручкой из белой кости. Селия когда-то пыталась выковырять им застрявшую бусину из щели в полу и оставила на лезвии зазубрину. Мне стало так тоскливо по дому, что я едва не написала сестре раньше, чем Ясеню.

Ему досталось всего несколько строк: я благополучно добралась, устала и завтра собираюсь заняться делами. Сестре

написала больше, попросила проследить за работами у мельницы и не позволять Бренну брать с собой в кабинет кошку, пока тот разбирает бумаги. Письмо для нее оставила на краю стола, чтобы утром передать дворцовому слуге.

Потом я открыла принесенные с собой планы родовых владений. Давно не приходилось смотреть на карту, где Меловая переправа была изображена еще целой. С обеих сторон моста располагались маленькие прямоугольники застав, от них расходились дороги. Отец обвел наши земли красными чернилами; возле нескольких деревень написал, сколько там дворов и кому принадлежит мельница. Я положила рядом более свежие выписки. В одной из отмеченных им деревень не осталось ни одного жилого дома.

Если предстоящий разговор касался возобновления торговли, следовало начать с этих мест. Людей не вернешь одним королевским указом, зато можно освободить их от части сборов, помочь с лесом для строительства и обеспечить безопасность дорог. Я принялась составлять перечень вопросов для дяди. К последнему вопросу свеча догорела почти до основания.

* * *

На завтрак меня пригласили в малую столовую. Король Эдвин сидел у окна, наклонившись над бумагами, и размешивал мед в чашке, которую наполнил до краев. На блюдце

стекала тонкая липкая струйка.

— Дядя, — поздоровалась я.

Он поднял голову, улыбнулся и отложил перо.

— Марена! Хорошо, что ты приехала. Дорога не слишком тяжелая?

Мы обнялись. Он расспросил меня о Селии, здоровье Бренна и старой кошке. Я передала сестринское недовольство, предусмотрительно дождавшись, пока нам подадут яйца и хлеб. Дядя признал, что действительно давно не был у нас, и пообещал исправиться, когда появится возможность.

За последние три года он сильно поседел. Прежняя привычка по утрам носить простые домашние камзолы осталась, однако даже в такой одежде дядя больше не выглядел человеком, способным на несколько дней забыть о королевских обязанностях. За завтраком секретарь дважды приносил ему новые бумаги.

— Ты захватила грамоты? — спросил дядя, когда слуга убрал тарелки.

— Все, которые нашла у себя. Если понадобится первоначальная опись северного участка, придется обратиться в земельный архив. У отца хранилась только копия.

— Достаточно копии. Пройдем ко мне.

В рабочем кабинете короля стояли три больших стола, один из которых целиком занимала карта пограничья. Возле реки лежали деревянные фишки с гербами армейских частей. Несколько фишек перевернули набок. Я задержалась у

карты, пока дядя закрывал дверь.

— Тебе, вероятно, уже сообщили, что мы начали переговоры с Тарвеном.

— В наших краях об этом ходит столько слухов, что не знаешь, которому верить. Вчера мне рассказывали, будто северяне согласились вернуть нам все торговые склады.

— До этого далеко. Но мы договорились о предварительном прекращении боевых действий в трех приграничных округах. Если за ближайшие недели удастся согласовать условия, перемирие распространится на всю границу.

Я подошла ближе к столу. Возле Меловой переправы обе линии фишек отодвинули на некоторое расстояние от реки.

— И дороги откроют?

— Постепенно. Сначала для продовольственных обозов, потом для прочих грузов. С переправой сложнее. Без постоянного соглашения ни одна из сторон не согласится вложить средства в восстановление моста. Альвар опасается, что мы займем южный подход и перекроем торговлю, как только получим первые поставки железа. Наш совет опасается того же с его стороны.

— Для этого можно установить одинаковые пошлины и заранее определить, какие грузы разрешено пропускать. Отец хранил несколько старых соглашений, еще довоенных. Не все они были плохими.

— Именно. Одно из таких соглашений мы и собираемся использовать. Помнишь Устав двух берегов?

Я помнила его не слишком хорошо. В детстве отец пытался объяснить мне, почему наши предки на протяжении нескольких поколений получали часть доходов от мельниц, расположенных далеко за пределами собственных владений. Оказалось, что они вместе с северным родом когда-то обеспечивали содержание моста и подходящих к нему дорог. По условиям старого устава стороны отвечали за работы залогом собственных доходов.

— Устав ведь отменили?

— Нет. Изменили порядок сборов, а сам устав сохранился. Земельное управление подтвердило, что им можно воспользоваться.

Я открыла папку с привезенными грамотами. Дядя подал мне один из подготовленных документов, и я обнаружила знакомые названия деревень, речных пристаней и пастбищ. Несколько северных участков были обозначены отдельно, возле каждого стояла печать земельного ведомства Тарвена.

— А кто будет представлять их сторону?

— Дом Ардов. У них сохранились права на северные укрепления и часть доходов с прилегающих земель.

Я перестала листать бумаги.

— Вы собираетесь вернуть им заставу?

— В северном округе они ее и не теряли. Мы предлагаем установить совместное управление переправой. Тебе придется участвовать в работе, Марена. Никто лучше тебя не знает, в каком состоянии находятся земли Вельдов.

С таким предложением я вполне могла согласиться. Мне предстояло бы встречаться с неприятными людьми, выслушивать претензии северных землевладельцев и, возможно, несколько раз в месяц ездить к реке. Все это казалось терпимым, если в результате нам удастся восстановить торговлю.

— Хорошо. Только я хочу знать, кто будет определять размер нашей доли расходов. Сейчас платить за весь ремонт мы не в состоянии.

Дядя не ответил. Он выбрал из лежавших на столе листов еще один, протянул его мне и дождался, пока я прочту первые строки.

Документ начинался с длинного перечисления титулов королей Лиора и Тарвена. Далее речь шла о восстановлении добрососедских отношений, совместных обязательствах домов Вельд и Ард, а также об условиях предполагаемого брачного союза.

Я вернулась к началу строки. Потом прочла ее еще раз, уже не торопясь. Имя, стоявшее после моего, я знала хорошо.

Кайрен Ард.

— Это что?

— Проект соглашения.

— Я вижу. Почему здесь мое имя?

Дядя поправил один из листов на столе, хотя тот никому не мешал.

— Альвар предложил скрепить соглашение о совмест-

ном управлении родственным союзом. Кайрен — глава дома, имеющего права на северном берегу. Ты представляешь южный. При существующих обстоятельствах это наиболее удобное решение.

Я подняла глаза.

— Удобное для кого?

— Для обеих сторон.

— Нет. Вы назвали две стороны, но забыли обо мне.

— Марена, мы еще ничего не подписали.

— И не подпишете. По крайней мере, от моего имени.

Я положила документ на стол. Сделала это аккуратно, хотя хотелось смять лист и бросить его дяде в лицо.

— Вы хотя бы подумали, за кого предлагаете мне выйти?

— Разумеется.

— Тогда объясните мне, как вы собираетесь смотреть на могилу отца. Или в вашем соглашении предусмотрено, что ему тоже полагается одобрить брак?

— Не надо, — тихо произнес дядя.

— Напоминать вам, что он погиб по приказу Арда? Вы сами прислали нам известие. Я до сих пор храню ваше письмо.

Дядя отвел взгляд к окну. Несколько мгновений мы оба молчали. За дверью прошел слуга, где-то в глубине коридора звякнули ключи.

— Адриан был мужем моей сестры и моим другом, — сказал король. — Я не забыл, что с ним случилось.

— Но хотите отдать его дочь Арду.

— Я хочу, чтобы война закончилась. Не только потому, что у нас больше нет денег на армию. Вчера мне доложили, сколько деревень не сумеет убрать урожай, если мы не вернем им хотя бы часть рабочих рук. До зимы осталось несколько месяцев. Марена, ты ведь сама знаешь, чем люди платят за каждую новую реквизицию.

Я знала. Именно поэтому его слова вызвали у меня такую злость. Мне хотелось, чтобы хотя бы сейчас он говорил о моем отце и обо мне, не подкладывая под нашу семейную беду счета казначейства.

— Отец помогал людям на той переправе, — сказала я. — Он не вел армию против Тарвена. Он мог вернуться домой, но остался там, потому что еще не всех вывели. Ард отдал приказ разрушить мост. Неужели среди всех людей в Тарвене вам понадобился именно он?

— Другого дома с такими правами на северном берегу у Альвара нет. И другого законного владельца твоих земель у меня тоже нет.

Я взяла папку со стола.

— Тогда ищите иные гарантии.

— Сядь, пожалуйста. Выслушай меня до конца.

— Я услышала достаточно.

Мне удалось дойти до двери прежде, чем дядя снова назвал мое имя. Я остановилась, но не обернулась.

— Я не стану требовать согласия сегодня, — сказал он. — Завтра мы обсудим другие варианты.

— Лучше начните с них.

Я вышла. В приемной меня попытался остановить секретарь, державший список каких-то посетителей. Пришлось попросить его отойти. По дороге в западное крыло я столкнулась с одной из придворных дам, когда-то знакомой с моей матерью, и, вероятно, ответила ей невпопад: она удивленно проводила меня взглядом.

В комнате я поставила папку на стол и не сразу справилась с тугой застежкой воротника. Горничная поспешила помочь, но я попросила оставить меня одну. Только тогда обнаружила, что все это время так сильно сжимала ремешок папки, что на ладони остался красный след.

Мне хотелось домой. Хотелось увидеть Селию, пожаловаться ей на дядю и услышать, как она с полным убеждением назовет его бессердечным старым упрямцем. Я даже подошла к столу, чтобы написать сестре, но представила ее за чтением такого письма и отложила перо. Она ничем не могла мне помочь, а ждать новых известий в одиночестве ей было бы мучительно.

Возле шкатулки лежал сложенный лист.

Я сразу узнала почерк.

«Ива, надеюсь, твои дела идут хорошо. Вчера я имел возможность убедиться, что самый дорогой ужин вовсе не обязательно самый вкусный. В этом отношении мы с тобой, кажется, оба в выигрыше: ты понемногу разоряешься в гостиницах, а я теперь умею ценить самый простой хлеб с сыром.

Расскажешь о своем дне, когда сможешь?»

Я прочитала письмо дважды. Потом села и написала первую пришедшую в голову фразу:

«Сегодня мне предложили выйти замуж за человека, которого я ненавижу».

Дальше перо остановилось. Я не могла назвать Кайрена. Ясень был связан с северной армией; он, вероятно, хорошо знал имя своего главнокомандующего. Рассказав о предстоящем браке, я могла выдать свою личность и поставить его в положение, где ему пришлось бы выбирать между мной и служебными обязанностями.

А больше всего меня пугало другое. Я не знала, каким будет его ответ. До сегодняшнего дня наше намерение встретиться казалось вполне осуществимым. Теперь, даже если я сумею отбиться от королевского предложения, едва ли мне позволят спокойно отправиться на север на поиски незнакомого мужчины.

Я смяла лист, бросила его в пустую корзину и достала другой.

«День оказался трудным. Мне нужно принять решение, к которому я совершенно не готова. Пока не могу рассказать об этом подробнее. Но мне очень хотелось получить сегодня твое письмо, и я рада, что оно пришло».

Отправив ответ, я оставила ключ на столе. Затем подошла к окну и выглянула во внутренний двор. Внизу две служанки раскладывали на веревках выстиранные скатерти. Одна

придерживала край ткани подбородком, пока вторая закрепляла прищепку. Они переговаривались, смеялись, сердились на ветер. Я позавидовала их возможности заняться обычным делом и закончить его к вечеру.

* * *

К ужину дядя меня не позвал. Вместо этого прислал записку о том, что на следующий день меня ожидает начальник земельного управления. Я решила использовать предоставленную возможность и провести вечер с документами.

Старый Устав двух берегов обнаружился среди отцовских бумаг в неполном виде. Часть страниц утратили еще до того, как отец получил копию. Однако главы, посвященные имущественным обязательствам, сохранились. Из них следовало, что совместное управление мостом не требовало непременного родства владельцев. Они могли поручить надзор доверенным представителям, а в случае спора обращаться к третьей стороне, выбранной сообща.

Я переписала соответствующие положения. Затем взяла чистый лист и принялась составлять собственное предложение: представители двух королевств, нейтральный смотритель, согласованный размер взносов, отдельная казна для работ. Если от меня ожидали залога части будущих доходов, я могла на это пойти. Но оснований выдавать меня замуж в старом уставе не нашлось.

Утром прибыл ответ Ясеня.

«Ива,

если хочешь рассказать, я готов выслушать тебя. Если не хочешь, тоже пойму. Не знаю, какое решение тебе предстоит принять, но очень надеюсь, что те, кто требует его от тебя, позволят тебе сказать свое слово.

Вчера мне самому пришлось выслушать человека, который считал, что вопрос давно решен, хотя меня об этом еще никто не спрашивал. Похоже, день не удался нам обоим».

Я взялась за перо, собираясь расспросить его о случившемся, но за дверью объявили о приходе королевского слуги. Он проводил меня в небольшую залу рядом с дворцовым архивом, где собрались трое чиновников. Начальник земельного управления, сухощавый господин с седыми бакенбардами, предложил мне ознакомиться с расчетами расходов.

— Совместное управление возможно и без брака, — сказала я начальнику земельного управления, показав соответствующее положение Устава двух берегов.

— Вы правы, госпожа Вельд. Однако пока ни один из королей не готов доверить залог другому. Если два дома объединят свои обязательства посредством брака, согласовать первые расходы будет проще. В противном случае придется искать поручителей и нейтральное хранилище.

— Но и мой брак не построит моста.

Чиновник кашлянул. Мы еще долго изучали его расчеты. Постепенно стало ясно, что дядя предложил удобный для

обоих правителей способ получить деньги на ремонт. О последствиях для меня позаботиться не удосужились.

Я попросила показать проект семейных условий. Их составили так расплывчато, что мне действительно грозила потеря права самостоятельно распоряжаться владениями. С таким договором я не собиралась ехать в Тарвен.

Когда я вернулась в свои комнаты, на столе обнаружилась записка от дяди. Он приглашал меня пообедать с ним без придворных. Под запиской стояла тарелка с персиками. В это время года они появлялись только в дворцовой оранжерее, и раньше мы с Селией считали их едва ли не главной причиной наших летних визитов в Арвел.

Я съела один персик и отправилась к королю с бумагами.

— Ты собираешься читать мне за обедом земельный устав? — спросил он, увидев папку.

— Могу подождать до десерта.

Дядя отослал слуг, сам придвинул ко мне блюдо с жареной птицей и дождался, пока я устроюсь за столом.

— Твоя мать никогда не приносила деловые бумаги к обеду.

— Зато отец приносил. Вы сами на него за это жаловались.

— Помню.

Он улыбнулся, но улыбка быстро исчезла. Я подвинула к нему лист с предложениями.

— Если вы действительно намерены начать восстановле-

ние переправы, мне нужны гарантии. Для себя, для Селии и для людей на наших землях. Независимо от того, состоится этот брак или нет.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.